

Рассвет следующего дня еще не успел развеять ночную прохладу, а Лу Сяжань уже спешил к покоям наследного принца, сжимая в руках толстую папку с результатами анализов. Под его глазами залегли темные круги от бессонной ночи, но дух был напряжен до предела из-за ошеломляющих выводов отчета.

Внутри покоев Цинь Яньчао не спал. Он полулежал на мягкой кушетке у окна, и меж его бровей залегла складка глубокого раздражения. Период любовного томления, вызванный пробуждением SSS-уровня, не утих после завершения основной фазы. Он продолжал тлеть внутри, словно догорающие угли, из-за чего температура тела оставалась повышенной, а нервы были натянуты, как струны: любая мелочь вызвала острую реакцию. Это чувство потери контроля приводило его в ярость.

— Брат, — Лу Сяжань вошел в комнату, стараясь говорить как можно тише, чтобы не потревожить его.

— Что с результатами? — Цинь Яньчао поднял взгляд, его голос звучал хрипло из-за томления.

Лу Сяжань протянул отчет и доложил, стараясь сохранять ровный тон:

— Все данные подтверждены. Итоговый уровень пробуждения — SSS. Стабильность духовной силы и ее общий объем значительно превышают прогнозы модели. Это хорошо. Но... — он запнулся, и голос его стал глуше. — Брат, основываясь на твоём уровне, мы пересчитали моделирование. Твой период томления, скорее всего, продлится около месяца. К тому же Ло еще не пришел в себя. Капсула восстановления показывает, что ему потребуется еще как минимум сутки, чтобы полностью прийти в норму.

Цинь Яньчао закрыл глаза. Этот результат не стал для него сюрпризом, он лишь устало вздохнул:

— Понятно.

Он собирался просто перетерпеть это в одиночку, пока Ло Сюань не очнется. Он привык к самоограничению, особенно в таких интимных вопросах.

Лу Сяжань мгновенно раскусил его намерения, и сердце его болезненно сжалось. Он шагнул вперед, его голос стал порывистым:

— Брат! Ты не можешь просто терпеть! Даже если... даже если Ло проснется, он не справится с твоим месячным периодом томления SSS-уровня! За эти семь дней он уже выгорел и потерял сознание, ему потребовалась реабилитация! Даже если ты сохранишь остатки рассудка, это томление никуда не денется — это колоссальная нагрузка на духовные и физические силы стража. Целый месяц... Ло просто сломается!

Эти слова ударили Цинь Яньчао, словно иглы. Разве он сам этого не понимал? Но одна лишь мысль о том, что кто-то чужой, кто-то незнакомый приблизится к нему для глубокого слияния, вызывала у него физическое и психологическое отторжение. В обычной жизни он требовал дистанции даже от прислуги, что уж говорить о подобном? Внутреннее раздражение мгновенно усилилось, и тяжелая аура вокруг него стала еще плотнее.

В этот момент Лу Сяжань совершил смелый поступок. Он шагнул вперед, осторожно взял лежащую на коленях руку принца и сжал ее в своих ладонях. Его пальцы были холодными от напряжения и усталости.

— Брат... — Лу Сяжань поднял голову. На его лице, обычно живом и по-мальчишески беззаботном, сейчас читалась небывалая серьезность и глубокое, долго скрываемое чувство, наконец вырвавшееся наружу. Ни усталость от восьми суток бессонного дежурства, ни красные прожилки в глазах не могли скрыть искренности и жажды, которые светились в его взгляде. — Официальный банкет по выбору супруга состоится только после того, как твой период томления закончится и духовная сила стабилизируется. Но сейчас... ты не должен справляться в одиночку.

Он глубоко вздохнул, словно собирая всю смелость, что у него была:

— Брат... позволь мне помочь тебе. Хорошо?

Он смотрел в удивленные глаза наследника и отчетливо произнес:

— Я больше не хочу быть просто твоим младшим братом.

Цинь Яньчао замер. Он смотрел на юношу перед собой — на того самого мальчишку, который в его воспоминаниях всегда следовал за ним по пятам, нуждаясь в защите. Казалось, в этот миг он окончательно сбросил с себя детскую наивность. Эти покрасневшие от напряжения глаза, бледное лицо и нескрываемая, обжигающая любовь — все это без слов говорило о его взрослении и решимости.

Жаньжань действительно вырос, он больше не ребенок... — эта мысль четко всплыла в сознании принца.

Он не стал сразу отстраняться. Помолчав, он поднял вторую руку и мягко коснулся темных кругов под глазами Лу Сяжана. Его тон был на удивление нежным, но в нем слышалась непреклонность:

— Оставим это. Жаньжань, сейчас тебе нужно сделать только одно — немедленно отправиться отдыхать. Посмотри на свои глаза, на свое лицо... Иди.

— Брат! Я в порядке, я... — Лу Сяжань занервничал, боясь, что принц вот так просто его

оттолкнет.

— Слушайся, — Цинь Яньчао прервал его, и в его уставшем взгляде промелькнуло властное, не терпящее возражений величие. — Если не хочешь идти в медицинский отдел, отдыхай в боковом крыле.

Этот взгляд заставил Лу Сяжаня проглотить все слова. Он опустил голову, закусил губу и в конце концов послушно кивнул:

— ...Хорошо, я пойду отдохну.

Глядя на то, как Лу Сяжань уходит, постоянно оглядываясь и полный тревоги, Цинь Яньчао откинулся на кушетку. Жар внутри и подавленность в душе сплелись воедино, едва не поглощая его целиком. Он снова вспомнил о лежащем в капсуле Ло Сюане, и сердце наполнилось чувством бессилия.

Он раздраженно закрыл глаза, позволяя себе утонуть в мягких подушках, словно пытаясь от чего-то сбежать. Долгое время спустя он издал едва слышный вздох, полный смирения и усталости.

Ведь я знал, что так будет, не правда ли... Невозможно прожить жизнь, оставаясь верным лишь одному.

Лу Сяжань спал очень крепко и, когда проснулся, за окном уже сгустились сумерки. Он принял горячий душ, пытаясь смыть усталость и размять затекшие мышцы.

Выйдя из бокового крыла, он направился к принцу, но, обыскав главный зал, никого не нашел. Перехватив слугу, он узнал, что Его Высочество уже ушел в свою спальню.

— Так рано лег? — Лу Сяжань нахмурился, глядя на время, и почувствовал, что что-то не так. Принц не из тех, кто может спокойно уснуть в такой час.

Он направился к спальне принца. Чем ближе он подходил к роскошным дверям, тем яснее его острое чутье стража улавливало необычные колебания в воздухе — слабый, но подавляемый мощный поток духовной силы, свойственный проводнику!

Лицо Лу Сяжаня изменилось. Он мгновенно вспомнил о периоде томления! Забыв о правилах приличия, он бросился к двери и заколотил в нее:

— Брат?! Брат, что с тобой? Ты в порядке? Открой!

Однако картина внутри была совсем не такой, как он опасался.

Цинь Яньчао сидел в широкой ванне, наполненной ледяной водой. Он упирался руками в края, его костяшки побелели от напряжения, а челка, пропитанная холодным потом, прилипла ко лбу. Он боролся с новой волной томления, используя всю свою волю, и дышал тяжело и прерывисто.

Крики и стук Лу Сяжаня за дверью стали тем камнем, что нарушил баланс его напряженной души. Его дыхание сбилось, а подавляемая духовная сила дрогнула.

— Брат! Впусти меня! Умоляю! — в голосе Лу Сяжаня слышались слезы, он по-настоящему боялся, что принц пострадает в одиночку.

Слушая полный отчаяния голос за дверью, Цинь Яньчао боролся еще несколько мгновений, прежде чем его твердая защита дала трещину. Он с трудом поднял руку и снял блокировку с двери.

Как только дверь отъехала в сторону, Лу Сяжань ворвался внутрь, словно порыв ветра. Увидев принца в ванне — сдерживающегося, выглядящего почти хрупким, — он сначала выдохнул, но тут же его сердце сжалось от боли и жалости.

Он подошел к краю ванны, присел на корточки и прямо посмотрел в сине-фиолетовые глаза Цинь Яньчао, которые, несмотря на затуманенность от томления, все еще пытались сохранить ясность.

— Брат... — его голос был тихим, но полным решимости. — Позволь мне помочь тебе... Пожалуйста. Не терпи больше в одиночку.

Цинь Яньчао смотрел на него — на эти глаза, полные заботы, любви и той зрелой ответственности, которую невозможно было спутать ни с чем другим. Последняя капля сомнения окончательно растаяла перед лицом этой бушующей страсти и искренности.

Он едва слышно ответил:

— ...М-м.

Получив разрешение, Лу Сяжань не раздумывал. Он даже не стал снимать одежду, шагнул прямо в ледяную воду, обхватил шею принца и потянулся к его губам. Этот поцелуй был полон отчаянной смелости и глубокой, давно накопленной любви — неумелый, но невероятно твердый.

Холод воды заставил их обоих вздрогнуть. Цинь Яньчао инстинктивно прижал его к себе, хрипло прошептав:

— Жаньжань... в воде холодно, я подниму тебя...

— Все в порядке... брат... — прошептал Лу Сяжань, задыхаясь у его губ, и сжал объятия еще крепче.

Цинь Яньчао больше не стал спорить. Он резко включил систему подогрева воды, позволяя холоду быстро смениться теплом. В то же время он перестал сдерживаться, перехватил инициативу и углубил поцелуй, прижимая промокшего насквозь юношу так сильно, словно хотел впитать его в свою кровь и плоть.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Цинь Яньчао поднялся из ставшей теплой воды, держа на руках Лу Сяжана, который обмяк в его объятиях. Он накинул широкое мягкое полотенце, тщательно укутал его и широкими шагами направился к большой кровати в центре спальни.

Он осторожно опустил Лу Сяжана на мягкие простыни. Полотенце соскользнуло, обнажив светлую кожу, покрытую розовым румянцем. Глаза Цинь Яньчао стали еще темнее — в них бушевала страсть, сильнее, чем когда-либо прежде.

Он склонился над ним, снова целуя слегка припухшие губы. В его движениях сквозила спешка, вызванная томлением, но в них также проскальзывала едва уловимая нежность и трепет перед новым статусом их отношений.

— Жаньжань... — тихо позвал он его по имени. И это был уже не просто младший брат...

Ночь была еще очень длинной.

<http://bllate.org/book/22329/2338897>